

СЛОВАРЬ СЕМАНТИЧЕСКИЙ И / ИЛИ СЛОВАРЬ ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ¹

А.С. БЕЛОУСОВА

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-8652-1004>

gramilex@inbox.ru

В статье рассматриваются основные идеи, положенные в основу научных концепций словарей новых жанров, созданных академиком РАН Н.Ю. Шведовой совместно с руководимым ею коллективом, и место этих словарей в общей системе русской лексикографии.

Ключевые слова: русский язык, идеографический словарь, семантический словарь, лексическая система, концепт, языковой смысл

SEMANTIC DICTIONARY AND /OR IDEOGRAPHIC DICTIONARY

A.S. BELOUSOVA

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

The article considers the main ideas underlying the scientific concepts of dictionaries of new genres created by Academician of the Russian Academy of Sciences N. Yu. Shvedova together with the team she headed, as well as the place of these dictionaries in the general system of Russian lexicography.

Keywords: Russian language, ideographical dictionary, semantic dictionary, lexical system, concept, language meaning

I

История русской идеографии сравнительно невелика в сравнении с западно-славянской традицией². При этом, если первые отечественные работы были связаны с созданием учебных словарей такого типа, то начиная с 80-х годов XX в. появляются лексикографические труды, в основе которых лежат специально разработанные научные концепции, и каждый из них вносит свой вклад в теорию русской лексикографии и в изучение русской лексики. К таким работам, несомненно, относятся созданные под руководством академика Н.Ю. Шведовой (1916–2009) и на предложенных ею теоретических основаниях «Русский семантический словарь:

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 1729-09131 (офи_м).

² История западноевропейской идеографии представлена в работах В.В. Морковкина (Морковкин 1970), Ю.Н. Караулова (Караулов 1976), в общем виде — у В.В. Дубичинского (Дубичинский 1998), К. Марелло (Marello 1990).

Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» (РСС 1998–2010–) и «Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире» (РИС 2012).

Современные исследователи по-разному трактуют термины «семантический словарь» и «идеографический словарь». Одни считают понятие «идеографический словарь» более широким, включающим в себя и термин «семантический словарь». Такой взгляд в отечественной лексикографии утвердился с выходом в свет работ В.В. Морковкина (1970), Ю.Н. Караулова (Караулов 1976; Караулов и др. 1982)³. Другие лингвисты полагают, что термин «семантические словари» объединяет не только собственно семантические словари, но также и идеографические, и в целом все словарные описания, в которых лексические единицы сгруппированы на основе семантических связей и общих смысловых компонентов (как, напр., словари синонимов, антонимов и др.) (Кустова 2020: 634–636).

Строгое разграничение указанных понятий реализовано в научных концепциях названных выше словарей под. ред. Н.Ю. Шведовой, объединяемых общим положением, согласно которому, описание материала в языковом словаре должно опираться на собственно языковые основания.

Задача семантического словаря — выявление и описание внутренней организации словесного состава языка в целом или отдельных его участков. Идеографический же словарь должен иметь своим основанием некие идеи, т. е. положения, относящиеся к сфере абстракций, сформировавшихся и отражённых в языке «в результате познания целых множеств, классов реалий и существующих уже в отрыве, в отвлечении от этих реалий, независимо от них» (Перспектив 2004: 5). Эти заключённые в языке абстракции его организуют, скрепляют внутреннее строение языка. Именно такие идеи, свободные от субъективных решений, по мнению Н.Ю. Шведовой, «должны быть основой для всей концепции словаря, который может считаться идеографическим в собственном смысле этого слова. Как бы ни были блестящи идеи теоретика, стремящегося представить <...> устройство языка на основе своего понимания устройства мироздания и мира человека, эти идеи не могут противостоять идеям (абстракциям), сложившимся в языке и ему принадлежащим» (Перспектив 2004: 5).

Такое чёткое противопоставление терминов «семантический словарь» и «идеографический словарь» определило подход авторов к выбору объекта, методов описания в каждом из этих типов словарей и принципы, на которых строится описание материала.

Соответственно в шеститомном труде «Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» (далее РСС) объектом описания является лексика русского языка, понимаемая авторами как исторически сложившаяся и саморазвивающаяся естественная иерархически организованная система, которая структурно может быть представлена в виде лексического древа, множественно ветвящегося от вершины к основанию,

³ См. об этом также: (Белоусова 2004: 9–20).

от наиболее абстрактного значения — к достаточно конкретизированным значениям минимальных лексических групп, члены которых связаны отношениями синонимии, антонимии, семантической эквиваленции или семантического дополнения, а также сходными языковыми характеристиками. В «Предисловии», помещённом в первом томе РСС, подчёркивается, что «Лексическая система, как всякая исторически сложившаяся естественная целостность, обладает высокой степенью стабильности: те её основные классы, которые выделяются для современного состояния языка, существовали издавна; на протяжении веков и десятилетий меняется не сама система, а определённые участки внутри неё и отношения между этими участками; именно таков характер пополнений и утрат, тенденций развития лексики, отмечаемых для отдельных периодов в жизни языка. Естественно, что протекая в лоне системы, такие процессы не оставляют ее безразличной: они обеспечивают её существование как живого и развивающегося организма» (РСС-I 1998: VII).

В основе научной концепции РСС лежит тезис, согласно которому основным членением системы русской лексики на участки является деление всего словесного состава на части речи («макроклассы»), поскольку именно часть речи служит носителем самого общего, обобщённого лексического значения всех входящих в неё слов. Все вместе слова таких классов «объединены общим признаком: каждая из единиц, входящих в любой из этих классов, является словом, т. е. материальным языковым знаком, служащим для обозначения реалий физического и ментального мира (отвлеченных представлений предметов, признаков, процессов), отношений между такими реалиями, а также для именованя самих таких реалий или для указания на них» (РСС-I 1998: VII). Таким образом, во главу всей лексической системы авторы помещают слово (словозначение), точнее его семантику, в самом обобщённом виде. При этом начальное подвершинное членение лексики определяется функционально-семантической спецификой единиц, формирующих соответствующую часть речи. «Все части речи русского языка (слова и равные им нецельнооформленные единицы) существуют в системе: 1) слова указующие (местоимения), 2) слова именующие — имена существительные, прилагательные, числительные, наречия, предикативы, 3) слова собственно связующие — союзы, предлоги, связки и их аналоги, 4) слова собственно квалифицирующие — частицы и их аналоги, междометия» (РСС-I 1998: VII). В РСС описаны два первых элемента этой системы.

Описание лексической системы русского языка открывается в РСС разделом «Указующие слова», что определяется природой семантики единиц, составляющих данный участок системы: высокой степенью абстракции их значений. В конце 90-х годов в ряде работ Н.Ю. Шведовой было выдвинуто теоретическое положение о дейктической системе русского языка, представленной категорией местоименных слов (собственно местоимений и глагольных дейктических слов и фразеологизмов), а также разработана теория языкового смысла, означаемого дейктическим словом (Шведова, Белоусова 1995; Шведова 1998; Шведова 2005: 445–543). Языковой смысл здесь понимается как языковая категория, стоящая на

высшей ступени языковой абстракции, всегда являющаяся инвариантом по отношению к языковому значению. В этих работах представлен новый взгляд на местоимения как на систему, концентрирующую в себе те глобальные языковые смыслы, которые сочленяют воедино разные уровни языка: его лексический и грамматический строй, словообразование и идиоматику. Соответственно каждый такой языковой смысл манифестируется тем или иным местоименным словом или местоименным (дейктическим) глаголом или глагольным фразеологизмом. Такое понимание местоименного слова определило описание системы указующих слов в РСС не по традиционно выделяемым лексико-семантическим разрядам, а с учётом представляемых ими смыслов, а также общего для всего словаря принципа частеречного членения лексики⁴.

В соответствии с научной концепцией РСС, и все другие выделяемые макроклассы анализируются авторами с точки зрения того, распределены ли именуемые в нём реалии (или их признаки, свойства) по неким смысловым сферам (самым общим смыслам), каждая из которых охватывает лексические массивы, представляющие собственно лексико-семантическую организацию, или такого естественного распределения нет. Тот смысл, который возглавляет собою часть речи, не равен семантической доминанте, возглавляющей лексический класс. Так, например, макрокласс «имена существительные» возглавляется частеречным значением «предмет», в смысловом строении языка представленным смысловыми исходами (общими смыслами) *кто* и *что*. Эти исходы и служат основанием для первичного членения макрокласса. Аналогично в принципе устройство других макроклассов: глагольной лексики или лексики, именующей непроецессуальные признаки лица или предмета. С другой стороны, есть макроклассы, которые непосредственно членятся на лексические классы слов. Таково, например, устройство класса предикативов — слов, объединяющихся вокруг исходного смысла *каково*: эта подсистема представлена непосредственно как организуемая несколькими соположенными (и далее иерархически ветвящимися) лексическими подмножествами.

Общий подход к систематизации материала, исходящий из совокупного и нераздельного существования в слове его лексического значения и грамматических свойств, позволил авторам не только полностью охватить весь анализируемый материал, но и познать путь к его естественным внутренним членениям. В результате осуществленного тщательного анализа семантических свойств слов (словозначений), входящих в ту или иную часть речи, членение каждого макрокласса (на основе последовательного семантического сужения семантической доминанты) прослеживается через ступени классов, множеств и подмножеств (количество таких ступеней доходит на некоторых участках до 10–16) вплоть до конечного лексико-семантического ряда. Таким образом, строение лексической системы представлено следующей иерархией понятий и терминов: 1) часть речи — макрокласс, каждый из которых членится на классы, которые имеют в большинстве случаев свое собственное внутреннее деление; 2) лексический класс,

⁴ Еще А.В. Исаченко отмечал, что местоимения фактически образуют частеречную систему, параллельную системе именующих слов (Исаченко 1965: 22).

располагающийся рядом с другими подобными классами и имеющий вид дерева, расходящегося своими ветвями от вершины к основанию, и возглавляемый словом (словозначением), которое является семантической доминантой лексического класса; 3) лексические множества и подмножества — ветви дерева, организующие данный лексический класс и своим составом и расположением определяющие его строение; 4) лексико-семантический ряд — конечная единица лексического дерева, который объединяет в себе словозначения, находящиеся в непосредственной семантической близости или непосредственной семантической противоположности.

Характеризуя в Предисловии к первому тому РСС понятие «лексический класс», авторы подчёркивают, что он, как и все его подмножества, связан с другими лексическими классами словообразовательно, семантически, через идиоматику. В число таких характеристик лексического класса входят «его внутреннее устройство, т. е. количество и объём подмножеств и характер их связанности друг с другом; собственная (внутричастеречная) грамматика; наличие собственного словообразовательного потенциала; наличие и характер того идиоматического «шлейфа», который тянется за теми или иными единицами данного класса; характер его открытости или закрытости, его отношения к новациям, переосмыслениям и утратам» (РСС-I 1998: VII). Вычленение лексических классов (а также принадлежащих им множеств, подмножеств, предконечных и конечных лексических рядов) как конструкторов, созданных самим языком в ходе его истории, оказывается описанием его собственного строения, разграничением органических участков языковой системы.

Таким образом, в «Русском семантическом словаре...» утверждено и наглядно реализовано положение о системной организации русской лексики в целом, а не только в отдельных ее фрагментах, показаны те сложные связи и отношения, которые существуют между разными уровнями и участками этой организации как целостного единства.

Строение лексических классов и их участков отражено в Словаре в прилагаемых схемах, показывающих ступенчатую организацию соответствующего класса. Словарные статьи располагаются (под соответствующими заголовками) по конечным лексико-семантическим рядам или их элементарным сочленениям. Сама словарная статья представляет собой описание одного отдельного значения слова и состоит из следующих зон: 1) заголовочное слово (словозначение); 2) грамматические и, в необходимых случаях, орфоэпические сведения; 3) там, где требуется, — стилистическая и хронологическая помета; 4) определение значения; 5) фразеологические сочетания и идиомы, в которых присутствует данное словозначение; 7) ближайшее словообразовательное гнездо, связанное именно с данным значением слова. В целом словарная статья по своей структуре является простой и доступной для любого читателя, который привык пользоваться толковыми словарями.

Как известно, традиционные идеографические словари также содержат инклюзивно-ступенчатые классификации словесных единиц. Но такие классификации

строятся не на языковых основаниях, а на основе членения понятийного континуума в соответствии с представлениями автора о соотношениях и связях внутри такого континуума. Именно в этом и состоит принципиальное отличие РСС от таких идеографических словарей.

II

Теоретическая концепция «Русского идеографического словаря: Мир человека и человек в окружающем его мире» (далее РИС) и само содержание словаря отражают представление авторов о том, что такое собственно идеографический словарь. Как сказано выше, в основу такого словаря должны быть положены идеи (обобщения), порождаемые самим языком, его словесным составом и смысловым строем. Эти идеи определяются глубинными свойствами языка как кладезя хранения и инструмента передачи знаний.

Прежде всего, это идея существования языкового дейксиса и опирающегося на него смыслового строя языка, т. е. идея о закрытой системе местоименных слов и устойчивых сочетаний (собственно местоимений и местоименных глагольных фразеологизмов), заключающих в себе глобальные языковые смыслы (о теории смыслов см. выше). Эти смыслы: бытие (*быть, существовать*) и его фазы, содержательная сущность (*кто, что*), признаки — сущностный, приписываемый, принадлежностный или порядковый, счетный (*каков, какой, чей и который*), время, пространство и точки их начала и предела (*где, когда, куда, откуда*), количество как собственно счёт, мера (*сколько и насколько*), причина и цель (*зачем и почему*) и некоторые другие. Именно эта идея лежит в основе структуры и построения словарной статьи в РИС.

Вторая идея — это идея концептуализации заложенных в языке знаний. Ею определяется выбор в качестве предмета описания в словаре такой единицы как концепт — сложной понятийно-языковой сущности. В когнитивной лингвистике концепт рассматривается как единица не языка, а мышления («квант знания»⁵); но в практических описаниях, в том числе в работах по логическому анализу языка, концепт всегда связывается с содержанием, представленным в лексическом значении слова⁶. В РИС концепт («ключевой» концепт, или «великий» концепт) определяется как «исторически сложившаяся понятийно-языковая целостность, т. е. отлившееся в слово (*sic!*), им материализованное, в него вмещенное понятие, относящаяся к духовному, ментальному миру жизни человека либо к материальной жизнеобеспечивающей, жизнеобразующей сфере его бытия» (РИС 2012: V) и обладающая комплексом определенных характеристик. Важнейшими из таких характеристик являются: укоренённость концепта в национальном языковом сознании и наличие собственной смысловой парадигмы. Концепт всегда соотнесён с названными выше языковыми смыслами и не существует без такого соотнесения;

⁵ См. подробнее в «Кратком словаре когнитивных терминов» (Кубрякова и др. 1960).

⁶ Обширная библиография по этому вопросу приводится в приложении к РИС (РИС 2012: 954–952).

эта соотнесенность и формирует смысловую парадигму концепта. Именно смысловая парадигма концепта материализуется теми единицами (высказываниями), которые реализуют каждый глобальный смысл как элемент этой парадигмы, в совокупности заполняя все её зоны (участки). Важно то, что есть такое языковое явление как высказывание (или его осмысленный фрагмент — словосочетание), «просящееся» в ту зону парадигмы, которая соответствует данному смыслу. В совокупности эти высказывания и есть то, что делает парадигму концепта материальной. Например, смысл «*быть*» или смысл «*кто / что*», либо смысл «*какой*» — это мыслительная сторона смысловой парадигмы. А вот совокупность всех высказываний, реализующих каждый из этих смыслов, — это её материальная сторона. Таким образом, тот компонент парадигмы концепта, который претендует на свое место в определенной зоне, двулик: смысл — конкретное высказывание. Итак, смысловая парадигма концепта, являясь *системой* его материальных существований, характеризуется тем, что её идеальную сторону составляет совокупность тех глобальных смыслов, которые обозначены в зонах словарной статьи, а её материальной стороной является высказывание (или его осмысленный фрагмент — словосочетание), реализующее данный смысл.

Третья идея, лежащая в основе научной концепции РИС, — положение о том, что в лексической системе языка заключены и внутренне сопоставлены вполне определенные жизненно важные сферы (миры), непосредственно связанные с процессом человеческого познания и с результатами этого познания. Фронтальное изучение современной общеупотребительной русской лексики и её представление в «Русском семантическом словаре» в качестве естественной многоуровневой системы показало, что центральное место в этой системе занимают лексические классы, объединяющие единицы (слова и фразеологизмы), которые именуют человека, его самого, его жизнь, его тело, физическое состояние, ум, чувство, волю, его способности и возможности, поведение и поступки, труд и продукты труда, занятия, времяпрепровождение, контакты и отношения друг к другу. По своему составу, количественно, эти классы во много раз превосходят классы слов, именующих реалии живой и неживой природы, предметы, не относящиеся к труду и продуктам деятельности человека. В Предисловии к РИС отмечается, что «если взглянуть на лексический состав языка, на его лексику и идиоматику, с точки зрения отражения в нём путей человеческого познания, то можно утверждать, что весь этот состав членится на части, каждая из которых отражает одну из ступеней такого познания. Эти ступени располагаются по признаку «от непознанного, необъяснённого или, напротив, безусловно данного, неотъемлемого и бесспорного — к познанному и обобщаемому» (РИС 2012: VI). Те сферы («миры»), в лоне которых протекает жизнь человека, самим языком представлены как окружение человека, как та органическая и естественная среда, в которой он существует и действует. Такие сферы («миры») организуются в шестичленную систему и описаны в шести соответствующих разделах Словаря.

Смысловая парадигма концепта, как сказано выше, определила структуру словарной статьи РИС. Она представляет собой сжатое, построенное по единому

плану описание, средствами самих языковых единиц (а не метаязыком) представляющее смысловую парадигму концепта в 19-ти смысловых зонах. Каждая из этих зон посвящена вводимому местоименными словами определенному языковому смыслу (или группе близких смыслов) и заполняется заключающими в себе данный смысл словосочетаниями, краткими изречениями, а также включает в себя пословицы, поговорки, «ходячие» выражения, афоризмы и, в некоторых случаях, краткие фрагменты из документированных цитат; условно можно назвать эту часть зоны «речениями». Вслед за речениями идёт вторая часть зоны — цитаты из классической и современной литературы, расположенные в хронологическом порядке (в некоторых случаях — с небольшими отступлениями).

В целом «Русский идеографический словарь...» представляет понятийное ядро русского языка посредством описания концептов (основных, ключевых концептов и тех единиц, которые образуют ближайшую смысловую среду концепта) через их смысловые парадигмы. Он даёт адекватное представление о том, что такое собственно идеографический словарь в его принципиальном отличии от словаря идеологического, тематического, семантического или ассоциативного и представляет материалы для изучения как самих концептов, так и их собственно языковой организации, в том числе вопросов, касающихся индивидуальных свойств концепта и его смысловой парадигмы.

III

Созданные под руководством академика Н.Ю. Шведовой и при её непосредственном участии словари (на основе рассмотренных выше теоретических концепций) содержат материалы для разнообразных лексикологических изучений и сопоставлений. В частности, позволяют обратиться к такой сложной проблеме, как изучение русской языковой картины мира, уже на новых основаниях: с позиции тех результатов описания лексической системы, которые были получены в ходе работы над этими словарями.

Если исходить из теоретического положения, согласно которому языковая картина мира в значительной степени репрезентируется лексической и грамматической системами данного языка, то можно утверждать, что систематизация по классам слов и внутри них по множествам лексических значений открывает исторически сложившуюся в языке, им самим созданную картину мира. Эта картина трехстороння: «Во-первых, она открывает мир реалий, всего того, что познано и осмыслено носителями языка в пределах материального и духовного мира; такие реалии — всё живое, неживые предметы, всё, принадлежащее миру мыслей и чувств человека. ... Во-вторых, картина мира открывается как сеть связей, отношений и зависимостей между всем существующим. ... В-третьих, это картина оценок, оценочных характеристик, разлитая по различным лексическим классам и открывающаяся через разнообразные словесные множества» (РСС-I 1998: XVI). Так, анализ специфики отражения языковой картины мира в лексико-семантической системе имен прилагательных показывает следующее.

(1) В основе исходного членения данного макрокласса лежит представление о признаке предмета (в широком смысле слова), который всегда соотносится с одним из основных смыслов (исходных, изначальных понятий): живого существа, неживого (физически воспринимаемого или абстрактно мыслимого) предмета, действия, состояния, качества, количества, меры, отношений, связей и зависимостей и под.

(2) Каждый из этих смыслов, трансформируясь и конкретизируясь в лексическом значении имени прилагательного, вступая во взаимодействие с другими подобными смыслами, языком представляется именно как признак, отыскиваемый в самом предмете или ему приписываемый. Этим определяется дальнейшее членение подвершинных классов, количество ступеней в иерархической организации макрокласса и характер тех конечных рядов, которыми заканчивается членение.

Так, понятие предмета — абстрактно мыслимого явления, конкретизируемого как 'интеллект, разум', — в прилагательном предстает как интеллектуальный признак, который выступает, например, (а) как признак, непосредственно соотносимый с данным явлением: *интеллектуальные способности, ментальная деятельность, разумное существо, рациональное познание, сознательная деятельность человека, умственный труд*; (б) как качественный признак, характеризующий его носителя по интеллектуальным свойствам — по их обладанию, проявлению, восприятию: *умный собеседник, умное решение, неглупый человек, разумный парень, разумная мысль*, — и с наращением оценки: *башковитый мужик, головастый паренёк*; или по их отсутствию, либо низкой степени развития, проявления: *глупый ребёнок, глупый щенок, глупая физиономия, недалёкий человек, неразумное дитя, несмышленный малыш*, — и с наращением оценки: *безголовый тупица, безмозглый дурак, крепкоголовый, крепколобий детина, тупоголовый олух* и под. Такие лексико-семантические ряды в языковой картине мира могут рассматриваться как ее фрагменты, отражающие восприятие человеком соответствующих свойств, характеристик носителя признака, его субъективную оценку.

Богатый материал для изучения русской языковой картины мира даёт и описание в РИС концептуального ядра русской лексики. Как сказано выше, концепт обладает смысловой парадигмой, т. е. соотносится с системой самых общих языковых смыслов, каждый из которых раскрывает ту или иную сторону концепта как «кванта знания»⁷. Это, например, смысл бытия именуемого (в разных фазах его существования), материализуемый высказываниями с ответствующим значением. Так, в РИС показано, что для концепта «жизнь» разные фазы бытия «рисуются» языком то как рождение, то как активное движение, то как состояние, то соотносятся с временной или пространственной ситуацией и т. д.:

Жизнь зародилась, возникла. Жизнь возрождается вновь. Воскресающая жизнь. Впереди вся жизнь. Жизнь продолжается, идёт своим чередом. «Жизнь продолжается даже когда её, в сущности, нет» (Довлатов). Жизнь проходит, протекает в повседневных заботах. Жизнь течёт, не стоит на месте. Молодая жизнь кипит, бурлит. Жизнь бьёт ключом. Жизнь

⁷ Термин Е.С. Кубряковой (Кубрякова и др. 1996).

словно остановилась. Жизнь уже кончается, завершается. Постепенно проходит жизнь. Жизнь идёт, подходит к концу. «Закатывается, закатывается жизнь. И не удержать» (Розанов). Чуть теплится угасающая жизнь. Жизнь промелькнула незаметно. Жизнь уже позади. «Дни сочтены, утрат не перечесть, / Живая жизнь давно уж позади» (Тютчев). Трагически оборвалась короткая жизнь. Жизнь кончена: впереди только смерть.

Дальнейшее изучение ключевого концепта в этом аспекте позволяет выявить особенности реализации соответствующего смысла у близких по содержанию концептов. Например, анализ сегментов смысловой зоны «Быть» у концептов «весна», «лето», «осень», «зима» показало, что наиболее значимым временем года в русской языковой картине мира является *весна*: самое большое в процентном отношении количество высказываний в литературных текстах последних двух веков встречается именно при реализации этого концепта. При этом наибольшее количество примеров зафиксировано применительно к фазе наступления *весны* — очевидно, этот аспект бытия является основным для данного концепта. Фаза собственно бытия, существования репрезентируется достаточно равномерно у всех четырёх концептов, а вот в наступлении и угасании времён года есть расхождение. Во всем привлеченном обширном материале, извлеченном из большого количества разнообразных художественных и поэтических текстов с конца XVIII в. до наших дней, фазы затухания, конца, несуществования представлены меньшим количеством цитат, нежели такие фазы бытия, как предстояние, зарождение и начало существования.

В заключение отметим, что словари, теоретические концепции которых охарактеризованы в статье, обращены как к специалистам, так и к широкому читателю; они остаются новыми и оригинальными как по жанру, так и по содержанию и не теряют своей актуальности.

ЛИТЕРАТУРА

Белоусова 2004: Основные направления в общей и русской идеографии (краткий обзор специальной литературы) // Проспект «Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире». Москва, 2004, 9–20.

Дубичинский 1998: Дубичинский В.В. Теоретическая и практическая лексикография. Wien; Charkov, 1998.

Исаченко 1965: Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. I. Москва, 1965.

Караулов 1976: Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. Москва, 1976.

Караулов и др. 1982: Караулов Ю.Н., Молчанов В.И., Афанасьев В.А., Михалев Н.В. Русский семантический словарь: Опыт автоматического построения тезауруса от понятия к слову / Под ред. С.Г. Бархударова Москва, 1982.

Кубрякова и др. 1996: Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина П.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. Москва, 1996.

Кустова 2020: Кустова Г.И. Семантические словари и базы данных // Энциклопедия «Русский язык». 3-е изд. Москва, 2020, 634–636.

Морковкин 1970: Морковкин В.В. Идеографические словари. Москва, 1970.

Проспект 2004: Проспект «Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире)». Москва, 2004.

РИС 2012: Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире». Москва, 2012.

РСС: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I «Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные: Всё живое. Земля. Космос». Москва, 1998. Т. II «Имена существительные с конкретным значением: Всё создаваемое руками и умом человека». Москва, 2000. Т. III «Имена существительные с абстрактным значением...». Москва, 2003. Т. IV «Глагол: Глаголы неполнозначительные, дейктические, бытийные, со значением активных действий, деятельности». Москва, 2007. Т. V «Глагол: Глаголы со значением физических действий, движения, неактивных процессуальных состояний. Имена прилагательные с процессуальным значением. Счетные слова», в печати. Т. VI «Имена прилагательные. Наречия. Предикативы» (том находится в работе).

РСС-I 1998: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I. Предисловие. Москва, 1998.

Шведова, Белоусова 1995: Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. Москва, 1995.

Шведова 1998: Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл: класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. Москва, 1998.

Шведова 2005: Шведова Н.Ю. Русский язык. Избранные работы. Москва, 2005, 445–543.

Marello 1990: The Thesaurus // Hausmann F.J., Reichmann O., Wiegand H.E., Zgusta L. (Hrsg). Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie. Teilbd. 2. Berlin; New York, 1990, 1083–1094.